

Александров Кирилл Михайлович

КАЗАКИ-ЮНКЕРА В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ В 1944-1945 ГГ.

Статья посвящена истории русского военно-учебного заведения в Северной Италии на заключительном этапе Второй мировой войны - 1-го казачьего юнкерского училища в Вилла Сантина, принадлежавшего отдельному казачьему корпусу Походного атамана генерал-майора Тимофея Доманова. Особое внимание автор акцентирует на обмундировании и внешнем виде личного состава, описывает структуру училища и преподавательские кадры, организацию учебного процесса, службу и результаты подготовки юнкеров, эвакуировавшихся в конце войны в Австрию и разделивших судьбу военнослужащих Казачьего Стана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.8; 94(450).094

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории русского военно-учебного заведения в Северной Италии на заключительном этапе Второй мировой войны – 1-го казачьего юнкерского училища в Вилла Сантина, принадлежавшего отдельному казачьему корпусу Походного атамана генерал-майора Тимофея Доманова. Особое внимание автор акцентирует на обмундировании и внешнем виде личного состава, описывает структуру училища и преподавательские кадры, организацию учебного процесса, службу и результаты подготовки юнкеров, эвакуированных в конце войны в Австрию и разделенных судьбу военнослужащих Казачьего Стана.

Ключевые слова и фразы: Северная Италия; казаки; Казачий Стан; Вилла Сантина; Удине; юнкера; Казачье училище; Доманов; Краснов; Медынский; Соламахин; Лиенц; Казачий корпус; юнкерские погоны; итальянские партизаны.

Александров Кирилл Михайлович, к.и.н.

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
aleksandrov_k@inbox.ru

КАЗАКИ-ЮНКЕРА В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ В 1944-1945 ГГ. ©

Осенью 1944 г. в состав немецких сил безопасности прибрежной части зоны Адриатического моря вошли части отдельного казачьего корпуса (Einzel-Kosakenkorps, Gruppe in Nördliche Italien) генерал-майора Т. И. Доманова [2, с. 384-385]. Корпус был сформирован из военнообязанных беженцев передвижного полувоенного поселения Казачий Стан, эвакуированных в 1943-1944 гг. из оккупированных южных областей РСФСР через Украину, Западную Белоруссию и Польшу в Северную Италию. К 6 ноября в провинции Удине (административная область Фриули-Венеция Джулия) под командованием Доманова сосредоточились 34007 человек, в том числе 11308 строевых казаков и 22699 невоеннообязанных. В середине ноября центр управления казаками разместился в Толмеццо (45-50 км северо-западнее Удине), затем началось постатичное расселение и бытовое устройство беженцев.

Все казачьи станицы входили в одну из трех территориальных единиц, устроенных по войсковому принципу, – Донской (Новочеркасский) округ (центр Олессо) и два отдела: Кубанский (центр Каваццо-Карнико) и Терско-Ставропольский (центр Чиаулис). Из Олессо немецкая администрация организовала выселение политически неблагонадежных итальянцев, предоставив место казакам. По инициативе окружного атамана донских станиц, войскового старшины М. М. Ротова состоялось «переименование» Олессо в Новочеркасск, о чем свидетельствовал натянутый при въезде в населенный пункт большой транспарант. В последней декаде апреля 1945 г. после прибытия в Стан новых пополнений из Берлина и Вены численность отдельного корпуса возросла до 18401 человека, включая 10 генералов и 1649 офицеров, а гражданских лиц и нестроевых – до 17707 [9, с. 95-96, 99-101]. Казаки несли охранно-караульную службу и участвовали в боевых действиях против местных партизан в области Фриули-Венеция Джулия.

1-я казачья кавалерийская дивизия генерал-майора Х. фон Паннвица, находившаяся на театре военных действий в Хорватии, и части генерала Доманова в Северной Италии нуждались в офицерах младшего звена. Поэтому вопрос об открытии специального военно-учебного заведения для подготовки офицерских кадров приобрел актуальность [7, л. 46; 10, с. 447]. Приказ о создании 1-го казачьего юнкерского училища отдал начальник Главного управления казачьих войск (ГУКВ) при Генерале Восточных войск Вермахта генерал от кавалерии П. Н. Краснов. Местопребыванием юнкеров Казачьего Стана был выбран городок Вилла Сантина (Villa Santina) в 7,5 км от Толмеццо. Здесь заканчивалась железнодорожная линия, проходившая из Карнии через Амаро и Толмеццо. Под учебное заведение отводилась школа, – по воспоминаниям юнкера 3-го взвода 1-й сотни О. Гантимурова, «небольшое, очень красивое, белое здание» [5, В. 75]. Строевым ядром послужили молодые казаки учебной команды.

В последней декаде ноября началась работа по подготовке к открытию училища. Его начальником числился герой Первой мировой войны и Георгиевский кавалер генерал-майор М. К. Соламахин – участник Белого движения на Юге России из югославской эмиграции и комендант Вилла Сантина. Но главную роль в организации военно-учебного заведения, быта и воспитательной работы играл его заместитель, полковник А. И. Медынский – кадровый офицер 36-й артиллерийской бригады, эмигрант из Франции, служивший в казачьих частях Вермахта с 1943 г. В феврале 1945 г. Соламахин получил назначение на должность начальника штаба (управления) корпуса, сменив полковника Д. А. Стаханова, и вся ответственность за училище целиком легла на плечи Медынского. Юнкеру Гантимурову Медынский запомнился: «Строгий и требовательный боевой офицер, которого мы все очень боялись и уважали», «чрезвычайно педантичный, но очень справедливый человек» [Ibidem]. Подчиненное положение Медынского Соламахину отчасти объяснялось тем, что в частных разговорах полковник настойчиво призывал Доманова отказаться от поддержки обособленной германофильской позиции Краснова и согласиться на подчинение своего корпуса командованию власовской армии – войск КОНР – во главе с генерал-лейтенантом А. А. Власовым [7, л. 50]. Однако сторонники Власова в Казачьем Стане подвергались откровенной дискриминации, и позиция Доманова по отношению к КОНР изменилась только в середине апреля 1945 г.

В 20-х числах ноября в Вилла Сантина для проверки общеобразовательных знаний будущих юнкеров была создана экзаменационная комиссия под председательством инспектора строевых частей генерал-майора И. М. Бедакова. К экзаменам допускались только лица, принадлежавшие к казачьему сословию. 6 декабря 1944 г. в Вилла Сантина состоялось торжественное открытие 1-го казачьего юнкерского училища. Небольшой плац перед зданием школы юнкера тщательно вычистили. К 11 часам из Толмечцо прибыли гости: генерал Доманов и офицеры штаба корпуса, начальник штаба ГУКВ полковник С. Н. Краснов в сопровождении полковника-дроздовца Д. А. Силкина и генерала М. К. Соламахина, представитель Имперского министерства оккупированных восточных территорий доктор Н. А. Гимпель, референт политического отдела министерства Э. Э. фон Радтке и группа немецких офицеров связи. После приветствий, рапортов и молебна был зачитан приказ Краснова об открытии училища. Затем юнкера, показав отличную выправку, повзводно прошли церемониальным маршем под атаманский оркестр. Закончился праздник приемом в офицерском собрании и обедом.

Медынский, по свидетельству Гантимурова, после окончания торжеств поблагодарил своих подчиненных за подтянутость, выправку и неожиданно сказал: «Мы русские и казаки и не должны опозорить нашей старой боевой казачьей славы. Не старайтесь, ребята, переходить к немцам, в их части по окончании школы, – немцы, хотя и союзники наши, но...». И Гантимуров закончил: «Мы хорошо поняли, что недоговорил наш боевой начальник» [5, В. 76]. Вместе с тем, немецкое командование сил безопасности в прибрежной части зоны Адриатического моря, которое возглавлял СС группенфюрер и генерал-лейтенант полиции О. Глобчник, относилось к казакам-юнкерам позитивно – на одном из парадов их снимали документалисты для киновыпусков Министерства пропаганды [7, л. 49].

Перед открытием училища юнкера получили новое единообразное обмундирование, с которого спорили все немецкие знаки различия, включая знаменитую государственную эмблему Третьего рейха в виде орла со свастикой (Hoheitsabzeichen), и надели русские юнкерские погоны – темно-синего цвета с алым кантом и серебряным галуном. За исключением 1-й сотни, юнкерам других подразделений дефицитного галуна на погоны не хватило, его заменили белой тесьмой. Зимой 1945 г. по инициативе Соламахина возник проект введения парадных погон с добавлением нитяных букв «КУ» – Казачье училище, но до эвакуации в Австрию этот замысел не удалось реализовать. Заслуга в обеспечении юнкеров новым обмундированием целиком принадлежала Медынскому. Сначала мундиры сидели на многих мешковато, но впоследствии всю форму подогнали по размерам, и молодые люди стали смотреться молодцевато.

В строю юнкера носили форму итальянского покроя расцветки, схожей с германским «фельдграу», и высокие кавалерийские сапоги с «язычками» для шпор. Выходные хромовые сапоги приобретались желающими на свой счет. Шпоры, обычно цеплявшиеся за все, что попало, доставляли юнкерам немало хлопот. На правый рукав мундира нашивался шеврон (щит) с вышитой желтыми нитками надписью латинскими буквами «DON», «KUBAN» или «TEREK», указывавшей на принадлежность каждого юнкера к конкретному Войску. Щиты с изображением четырех равнобедренных треугольников имели оригинальную расцветку: у донцов – сине-алую, у кубанцев – черно-алую, у терцев – черно-синюю [13, р. 284-286]. Пуговицы формы – зелено-оливкового цвета с легким голубоватым оттенком, погонные шарикообразные пуговицы – хромированные. Пояса полагались без блях. Выдававшиеся два подсумка, короткий штык, плечевая португепя и стальной шлем имели итальянское происхождение. В качестве головных уборов юнкера носили классические бескозырки или кепи горных стрелков Вермахта с русскими кокардами бело-черно-золотых цветов [6, с. 7-8].

Юнкера и ругались, и смеялись друг над другом при разных курьезах. Например, во время строевых занятий при подаче команды «На караул!» винтовка со штыком резко вскидывалась... и бескозырка соседа повисала на штыке [5, В. 77-78]. По воспоминаниям юнкера 2-го взвода 2-й сотни И. Г. Грибова, «в выходные дни училище пестрело формами разных войск», заказывавшимися в станичных мастерских за свои деньги. «Были живописные черкески у кубанцев и терцев, – сообщал Грибов, – башлыки, бурки. Красочно пестрели папахи разнообразием расцветки... Часто встречалась полная темно-синяя донская форма с алыми лампасами», «донские фуражки чередовались с высокими донскими папахами, заломленными «чертом»» [6, с. 8]. Выглядевшие настоящими щеголями юнкера считались «интересными кавалерами для местных «ееньорин»», как позднее писал о своих подопечных Медынский [10, с. 448]. Вооружались юнкера трехзарядными французскими кавалерийскими карабинами образца 1931 г., офицеры – пистолетами-пулеметами. На каждую сотню полагалось по два тяжелых пулемета, на инженерный взвод – один.

Организация училища, представлявшего в строевом отношении дивизион, выглядела так: две строевых сотни, инженерный взвод (полусотня), артиллерийская полубатарея (3 пушки калибром 45 мм), пулеметная команда (8 тяжелых, 17 легких пулеметов), 8 минометов (калибром 52 мм) – всего 428 чинов (396 юнкеров, 32 офицера и военнослужащих постоянного состава). Сотни подразделялись на взводы, примерно по 40 человек. Училище подразделялось на четыре отдела: пластунский (подготовка офицеров пехоты), конный (подготовка офицеров конных частей), артиллерийский (подготовка офицеров артиллерии) и инженерный (подготовка офицеров инженерных и саперных войск).

Ответственные должности в училище, кроме Медынского, занимали преимущественно эмигранты, в большинстве из числа кадровых офицеров старой русской армии: полковник П. И. Джалюк – участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 г. и командир 1-й сотни, полковник Б. Г. Вдовенко – командир 2-й сотни, полковник Н. Н. Краснов – генштабист и инспектор, войсковой старшина В. М. Нефёдов – участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 г., ученик профессора Н. Н. Головина и выпускник Зарубежных высших военно-научных курсов в Париже (VI выпуск 1937 г.), преподаватель тактики и курсовой офицер. Нефёдов, будучи близким сотрудником генерала Головина, в 1930-е годы постоянно занимался самообразованием,

участвовал в военно-научной деятельности и был наиболее квалифицированным специалистом. Инженерным взводом командовал бывший офицер Королевской Югославской армии, сотник Н. Н. Краснов-младший, артиллерийской полубатареей – полковник Полухин (затем есаул Лошинский), пулеметной командой – сотник Гуцин. Санитарной частью заведовал военный врач Ханьков [2, с. 989-990; 3, с. 7; 9, с. 89].

Начались училищные будни. Размещались юнкера в здании школы и прилегающих домах, питались в двух местных ресторанчиках. Положение с продовольствием оставалось непростым, так как лиры ежедневно обесценивались, в изобилии на рынке оставалось лишь вино, а продукты дорожали, и их ассортимент неизменно сокращался. Занятия проходили в школьных классах, причем в отсутствии электричества порой лекции и репетиции проводились при свечах. Не хватало тетрадей, для конспектов использовалась любая доступная бумага, но занимались юноши усердно. Цикл дисциплин включал артиллерийское дело, административную, тактику, военную историю, фортификацию, военное право, баллистику, танковое дело. Двухгодичный курс наук планировался по требованиям мирного времени [9, с. 89]. В условиях завершившейся войны, тем более с однозначным исходом, расчеты на двухгодичный курс выглядели маниловскими и сегодня вызывают удивление. Единственным основанием для них могли служить подспудные надежды на сохранение училища в условиях оккупации Северной Италии западными союзниками.

Распорядок дня строился следующим образом: 6 часов – подъем, зарядка, утренний туалет, смотр, молитва, завтрак; 9-14 часов – классные занятия по общеобразовательным и специальным предметам; 14-15 часов – обеденный перерыв и отдых; 15-18 часов – строевые занятия. 20 часов – вечерняя поверка, ужин, молитва; 22 часа – отбой. Муштре и строевой подготовке училищные офицеры уделяли много времени. Регулярно проводились стрельбы при дороге в Оваро, где было устроено стрельбище. Кроме занятий юнкера назначались в караулы от училища и несли сторожевую службу при въезде в Вилла Сантина со стороны Толмеццо, на мосту через реку Дегано по дороге в населенный пункт Энемонцо, на малом мосту в Энемонцо по дороге в селение Оваро. Ночные передвижения по городку разрешались только для лиц, знавших пароль. Порядок поддерживался строго, хотя караульная служба отнимала много сил и изрядно выматывала юношей. Среди юнкеров, избежавших выдачи в Лиенце и оставшихся в эмиграции, еще в 1960-е годы циркулировал слух о том, что один караул, до прихода вызванного по сигналу разводящего, уложил в снег самого Медынского, «забывшего» суточный пароль, – заместитель начальника училища регулярно проверял дежурных и посты.

Медынский – кадет и юнкер Императорской России – много времени уделял неформальному общению с юнкерами перед отбоем. В основном он что-либо рассказывал внимательным слушателям на военно-исторические темы, связанные с прошлым дореволюционной России и казачества, а затем охотно отвечал на многочисленные вопросы, но в первую очередь учил будущих офицеров этике поведения так, как понимал ее сам. Среди молодых людей, воспитанных в СССР, включая вчерашних комсомольцев и бывших беспризорников, потерявших родителей во время коллективизации и ежовщины, вечерние беседы Медынского пользовались популярностью. В училищных стенах Вилла Сантина родился и неперенный собственный жаргон. Так, инженерную полусотню Медынский иронично называл «гробкопателями». В 1-й сотне 1-й взвод рослых юношей получил прозвище «жеребцы», 2-й – из юнкеров среднего роста – «извозчики», а 3-й звали «малышами» [5, В. 77-78].

7 января 1945 г. юнкера встретили Православное Рождество. На Крещение в сильный мороз на реке Тальмименто состоялся водосвятный молебен, а затем юнкеров вызвали в Толмеццо на Крещенский парад в присутствии Походного атамана. Колонна прошла отлично, однако многие юноши подморозили себе уши и носы. В конце февраля – начале марта большим событием в жизни училища стал приезд генерала от кавалерии П. Н. Краснова, переехавшего из Берлина в Северную Италию и поселившегося в Казачьем Стане. Краснов, несмотря на должность начальника ГУКВ, отказался от каких-либо властных полномочий в пользу Доманова. В приказе № 4 от 14 февраля 1945 г. он заявил: «Главное Управление Казачьих Войск, чтобы не создавать вредного двоевластия, устранилось от работы в Казачьем Стане, предоставив все Походному Атаману. Им ведется огромная работа созидания» [9, с. 194]. Фактически Краснов жил в Толмеццо на положении частного лица и санкционировал всю деятельность Доманова.

Во время визита в училище сопровождали бывшего Донского атамана его адъютант, Доманов и два немецких офицера. Старый генерал встретил теплый прием и в растроганных чувствах подарил юнкерам свою книгу «Павлоны» – свои знаменитые воспоминания о жизни и быте 1-го Павловского военного училища в Санкт-Петербурге в 80-х годах XIX века. В присутствии немцев речь Краснова немногим отличалась от нацистского официоза. По свидетельству Т. Н. Данилевич – русской беженки из Восточной Польши, присоединившейся к Казачьему Стану в 1944 г., атмосфера быстро изменилась, когда другие гости ушли в офицерское собрание и вместе с Красновым остался лишь адъютант. Генерал, по воспоминаниям Данилевич, «начал говорить о былом России, о славе и богатстве ее». В частности, он рассказывал о своей служебной командировке в начале века на территорию Китая и о том, каким весом и ценностью тогда обладал русский рубль. Для молодых людей из СССР, получивших возможность увидеть Краснова и услышать его живой рассказ о дореволюционной России, канувшей в Лету, состоявшаяся встреча стала живым прикосновением к истории – при всей ее субъективности. При прощании юнкера на руках внесли генерала в автомобиль [7, л. 47-48].

Приближался конец войны. Однако юнкера видели происходившие события в «дымке боевой романтики». По воспоминаниям Гантимурова, «в школе царил дисциплина и хороший дух товарищества» [5, В. 79, 81]. Но как минимум одно ЧП в училище нам известно. Два юнкера из советских граждан, возвращаясь из увольнения от станичников в подвыпившем состоянии, навязали встреченному итальянцу неравноценный обмен: они заставили его отдать свои исправные часы в обмен на испорченные и связку листьев махорки. Обиженный итальянец пожаловался в караул... Разразился скандал, часы вернули, виновных наказали, но из училища

не отчислили [6, с. 9]. В середине 1960-х один из казаков училища приезжал в Вилла Сантина, осматривал памятные места – здание школы еще сохранялось, – встречался с бывшим мэром периода оккупации и местными жителями. В частных разговорах в кабачке они вспоминали о юнкерах 1-го училища беззлобно и добродушно: «О юнкерах население города сохранило добрую память, и было приятно слышать от бывшего мэра, и других собравшихся в баре посетителей, помнивших еще казаков, похвалу дисциплине и безупречному поведению юнкеров. Впрочем, казаков вообще не поминают лихом в Фриули. Когда мой друг-итальянец шуточно обращался к своим друзьям: «Представляю вам представителя бывшей оккупационной власти!» – в ответ я неизменно слышал дружелюбный смех, за которым следовал звон заздравных стаканов с вином» [3, с. 7].

Нельзя исключать, что описанная Белоусовым реакция могла быть лишь проявлением традиционного итальянского дружелюбия и гостеприимства. В целом в провинции Удине домановцы оставили о себе крайне противоречивую память: от межнациональных браков до преступлений против населения, включавших не только частые покушения на собственность, но и случаи изнасилований, и убийства [1, с. 229-230; 8, л. 3-4]. Представлять отношения между казаками и итальянцами только в радужно-идиллическом или негативно-черном цвете было бы неправильно, однако, кроме истории с часами, другие эксцессы с участием юнкеров неизвестны.

В марте 1945 г. резко ухудшилось положение на фронте: партизаны перешли к постоянным боевым операциям и все чаще совершали нападения на казачьи посты и охранения. Наибольшую активность проявляли бойцы двух итальянских бригад гарибальдийцев: «Фриули» и «Озоппо». Доманов включил училище в Северную группу, созданную для борьбы с партизанами, и весь Северный участок возглавил Медынский. Участок горных коммуникаций, охрана которого возлагалась на юнкеров, составлял примерно 100 км. В Вилла Сантина остались лишь артиллерийская полубатарея и инженерный взвод. Остальные подразделения разместились в опорных пунктах, продолжая занятия на новых местах дислокации. 1-я сотня Джалюка стояла в селении Медис (примерно в 9 км от Вилла Сантина), 2-я Вдовенко – в Ампецо.

Вот как позднее описывал ситуацию один из юнкеров: «Партизаны осмелели, участились нападения на казачьи обозы, ездившие за фуражом. В одной из станиц казак-часовой застрелил итальянца, пытавшегося у него отнять винтовку, а однажды утром на дороге, проходившей мимо разместившейся в школе села Медис первой сотни, остановился итальянский грузовик. В кузове его лежал покрытый брезентом убитый молодой итальянец. Брезент был короток и из-под него выглядывали как-то странно разошедшиеся безжизненные ступни ног, обутые в черные матерчатые туфли. Решив обезоружить ехавшего с ним в грузовике казака, шофер засыпал ему едким перцем, смешанным с табаком глаза, надеясь, что тот выпустит из рук винтовку. Но казак, несмотря на сильную боль и временную слепоту, успел выстрелить и убить нападавшего» [9, с. 204]. Начальник боевого участка Медынский вспоминал: «Приходилось ежедневно делать вылазки в горы и боевые марши в ближайшие селения – теория подтверждалась практикой. Я производил объезд расположения училища верхом почти ежедневно» [10, с. 448]. Выглядел вооруженный пистолетом-пулеметом Медынский эффектно. Его сапоги всегда были до блеска начищены, форма опрятна, полковник никогда не забывал бриться. Обычно Медынского сопровождал вестовой Яшка.

Стычки между юнкерами и партизанами ограничивались редкими перестрелками. С конца марта строгий к себе и другим Медынский тайком от воспитанников начал прикладываться к рюмочке. «Держался он, правда, хорошо, – подчеркивал Гантимуров. – Но все-таки это было заметно и производило тягостное впечатление. Он тяжело переживал гибель всех иллюзий. И мы в большинстве своем чувствовали эту трагедию прямой и честной души настоящего патриота и солдата, и никогда не смеялись – разве ласково, незлобно над этой простительной слабостью сильного духом и хорошего человека» [5, В. 84].

Самую тяжелую потерю офицеры училища понесли 28 апреля в селении Медис, накануне эвакуации Казачьего Стана из Италии в Австрию. В тот драматический день преподаватель тактики и топографии войсковой старшина В. М. Нефедов, находившийся при 1-й сотне и завершавший свою третью войну, получил приглашение на переговоры с одним из партизанских полевых командиров по имени «Борис», командовавшим отрядом из советских граждан – бывших военнопленных и перебежчиков из Восточных войск Вермахта. Роковая встреча произошла в Медисе. Довольно быстро оба собеседника повели разговор на повышенных тонах, руки потянулись к оружию... В этот момент какой-то мальчишка-партизан из-за угла выстрелил седому боевому офицеру из карабина в затылок. На звук выстрела из парикмахерской выскочил есаул Шувалов – бывший майор Красной армии – и открыл из пистолета по партизанам огонь. Вспыхнула короткая перестрелка, в суматохе «Борис» скрылся.

В тот же вечер партизаны атаковали Медис. Им удалось закрепиться на окраине, но юнкера 1-й сотни контратаковали и заставили противника покинуть селение. При возвращении в Вилла Сантина убийца Нефёдова, изображавший подпаса, случайно попался на глаза юнкеру С. Сидорову. В ярости он ударил мальчишку прикладом по голове, тот упал, но убитым или только раненым – так и осталось неясным [7, л. 50; 11, с. 397-398]. Тело Нефёдова привезли в училищную церковь в Вилла Сантина. На следующий день после отпевания и панихиды гроб на артиллерийском лафете доставили на местное кладбище и похоронили с воинскими почестями.

29 апреля Военный совет Казачьего Стана под руководством генералов Доманова и Краснова принял решение об эвакуации строевых частей и беженцев из Северной Италии в Австрию. К тому времени корпус Доманова де-юре вошел в состав власовской армии, и его перемещение в Австрию соответствовало планам КОНР [1, с. 240-241, 306, 308, 310; 12, В. 309-310]. Доманов согласился подчиниться Власову 15 апреля, вскоре после того как соответствующее решение приняли казаки Паннвица, а в Казачий Стан приехали их эмиссары – генерал-майор И. Н. Кононов и полковник Н. Л. Кулаков. Компромисс с КОНР, как казалось Доманову, сулил большие выгоды, чем лояльность престарелому Краснову, не обладавшему реальной

властью. 30 апреля началась подготовка к эвакуации, и как следствие немедленно возросла активность партизан, заинтересованных в том, чтобы принудить казаков к капитуляции и завладеть богатыми трофеями, в первую очередь многочисленным вооружением. В Оваро, где партизаны временно перерезали коммуникации, произошел бой между партизанами и домановцами. В нем, кроме двух казачьих сотен и полубатареи, участвовала сводная полусотня юнкеров есаула Шувалова. Дорогу разблокировали, но в бою погиб сотник Московкин, а один из юнкеров получил ранение в плечо.

Ночью 3 мая, в Страстной Четверг, юнкера Медынского (всего до 600 человек, включая чинов учебной команды и членов семей) начали покидать Вилла Сантина и выступили маршем на Толмеццо. Медынский вспоминал: «Выходя из Вилла-Сантини, нам было ясно видно, как с гор спускались толпами партизаны. Мы только тогда поняли, каким кольцом были окружены. Их было множество. Организованы они были итальянскими офицерами и генералами» [10, с. 449]. К тому времени в штаб Походного атамана в Толмеццо нагрянули партизаны. Эвакуация казаков из Италии началась. Но Доманов и чины его штаба не могли покинуть Толмеццо до тех пор, пока на север не прошли все отступавшие казачьи части. Слабой охраной штаба, включавшей всего один конный атаманский взвод, окруженный в своих казармах, и воспользовались партизаны, объявившие командование корпуса под домашним арестом. Партизаны пытались вынудить генерала Доманова подписать приказ об общей капитуляции частей корпуса и обязательной сдаче оружия. Взамен они обещали безоружным казакам беспрепятственный выход в Австрию. Такой приказ в создавшейся нервной обстановке мог вызвать катастрофу, тем более что Доманов и Соламахин не поверили обещаниям партизанских представителей.

Неожиданное прибытие утром 3 мая хорошо вооруженного дивизиона юнкеров из Вилла Сантина оказалось весьма кстати. Медынский намекнул на возможность применения силы и заставил партизан поспешно покинуть здание. Решительность Медынского и подтянутый вид юнкеров произвели впечатление на партизанских командиров, не захотевших превращать Толмеццо в поле боя. Из Толмеццо юнкера ушли на север, в австрийский Тироль в арьсгарде, лишь после того, как через город прошел с фронта в районе Удине последний полк 1-й казачьей пластуноской дивизии полковника Д. А. Силкина. Фактически юнкера прикрыли эвакуацию Казачьего Стана [7, л. 52]. Война подходила к концу, в Австрии казаки надеялись найти приют и отдохновение от тяжелых скитаний и испытаний. Светлую Пасху 1945 г. юнкера встретили на походе.

На бескровном противостоянии с партизанами в Толмеццо 3 мая 1945 г. закончилась короткая история 1-го казачьего юнкерского училища в Северной Италии. Производства в первый офицерский чин юнкера так и не дождался. После перехода в Австрию казаки 8 мая сдались англичанам и оказались в британском плену. Училище с войсковой учебной командой размещалось в селении Амлах, в 2,5 км от Лиенца [9, с. 228]. Юнкера продолжали заниматься строевой подготовкой, глазомерными съемками, сокольской гимнастикой и вольтижеровкой. Читалась история казачества. Вечерами устраивалась заря с церемонией. Доманов требовал от юнкеров сохранять выправку и строгую дисциплину, чтобы парировать обвинения и слухи о «казачьем бандитизме» [4, с. 110; 10, с. 451]. Усыплению бдительности способствовало анкетирование. В перечне задававшихся вопросов фигурировал вопрос о гражданской специальности, и складывалось впечатление, что данные сведения необходимы для перевода людей из категории военнопленных в категорию беженцев. Офицеры училища и юнкера в абсолютном большинстве разделили участь казаков, принудительно выданных британским командованием в советскую оккупационную зону из района Лиенца в период между 28 мая и 17 июня.

1 июня во время трагической выдачи из лагеря Пеггетц юнкера вместе с молодыми казаками стояли во внешнем оцеплении, взявшись за руки. Внутри живого кольца оказались беженцы, включая многочисленных женщин и детей, не желавшие возвращаться в СССР. Один или два юнкера погибли [4, с. 110; 9, с. 253]. Это драматическое событие запечатлел на своей знаменитой картине «Выдача казаков в Лиенце. Австрия – июнь 1945» донской казак, талантливый художник С. Г. Корольков. После погрома и принудительной отправки первой партии репатриантов в советскую оккупационную зону Австрии оставшиеся юнкера сняли погоны и сожгли училищные документы. Некоторым удалось бежать в горы ночью. 2 июня оставшихся юнкеров вместе с чинами нестроевой команды и музыкантами англичане под прикрытием бронетехники погрузили на автомобили и отправили в советскую зону оккупации [4, с. 110; 7, л. 59-60]. Это был окончательный конец 1-го казачьего юнкерского училища.

В 1970 г. в эмиграции казаки установили лишь 26 фамилий юнкеров, которым удалось спастись и избежать насильственной репатриации, 90% из них были отправлены в советскую оккупационную зону Австрии [4, с. 109]. Старшие училищные офицеры и участники Белого движения полковники А. И. Медынский и П. И. Джалюк провели в СССР в лагерях 10 лет, затем отбывали ссылку, а в 1963 г. как эмигранты «первой волны» смогли выехать из Советского Союза во Францию. Последние годы они жили в русском старческом доме в Монморанси под Парижем среди соратников и единомышленников из русской военной эмиграции. Джалюк умер в 1968 г., а Медынский – в 1969 г. В 1967 г. в США португальско-юнкер И. Г. Грибов предпринял попытку создать Союз бывших казачьих юнкеров, живущих в Америке. Был выпущен нагрудной значок училища с цветной эмалью, началось издание собственного органа связи («Юнкер, слушай!», известен первый номер), собирались материалы для выпуска исторического сборника училища. Однако начинание не получило развития, и судьба материалов Грибова требует поиска и дальнейших исследований.

История 1-го казачьего юнкерского училища в Северной Италии интересна в контексте изучения антисоветских вооруженных формирований, созданных при участии старых русских эмигрантов из беженцев, покинувших оккупированные территории СССР и ушедших на Запад в 1943-1944 гг. За пять месяцев до капитуляции Германии эмигрантам, преимущественно чинам Белых армий, в сложных военно-политических условиях удалось открыть военно-учебное заведение по подготовке офицерских кадров на 396 юнкеров, просуществовавшее вплоть до эвакуации Казачьего Стана в Австрию и сохранившее свою дивизионную организацию

в британском плену вплоть до насильственной репатриации. При этом основную массу юнкеров составили молодые люди, выросшие в СССР в 1920-1930-е годы и относившиеся уже к пореволюционному поколению. Приязненные отношения, установившиеся между ними и училищными офицерами (А. И. Медынским, П. И. Джалюком, Б. Г. Вдовенко, В. М. Нефёдовым и др.), позволяют утверждать, что постепенное сближение между представителями двух «волн» российской эмиграции было небезуспешным и началось уже в годы войны.

Поиску общего языка способствовали попытки офицеров-эмигрантов приобщить своих воспитанников к культурной и воинской традиции, утраченной после гражданской войны на родине, сохранявшейся в Зарубежье и в известной степени воплощенной в стенах военно-учебного заведения в Вилла Сантина. Роль, которую сыграли в его короткой истории офицеры старой русской армии, имела исключительное значение. Бывший сотник Донской армии и гражданин СССР Т. И. Доманов выглядел бледной личностью, с присутствием для многих «подсоветских» людей, выехавших с оккупированных территорий, подозрительностью, неискренностью, самонадеянностью, бесконечными опасениями за свою жизнь. Такие персонажи как Доманов проигрывали старым эмигрантам в воспитании, знаниях, подготовке и общем развитии. Примером юнкерам служили люди с другим мироощущением и подлинной религиозностью.

Офицеры и юнкера 1-го казачьего училища не связывали свое будущее с Германией, скорый разгром которой казался очевидным зимой 1945 г. Тем самым диктовалось стремление к символическому дистанцированию от немецких «союзников», выразившееся в удалении с юнкерской формы германских знаков различия. Нет оснований полагать, что юнкера считали себя оккупантами и рассматривали итальянцев в качестве врагов, несмотря на гибель от рук местных партизан сотника Московкина и войскового старшины Нефёдова. Встреча юнкеров и итальянского населения Вилла Сантина стала следствием обстоятельств военного времени и делом случая – обе стороны понимали это и не питали ненависти друг к другу, хотя в глазах итальянцев казаки были союзниками оккупантов. Бодрые настроения казаков-юнкеров в большей степени следует считать следствием возрастного оптимизма, чем трезвого политического расчета. Распространенные надежды на защиту со стороны западных союзников после крушения Германии оказались тщетными, и всем чинам 1-го казачьего юнкерского училища предстояло пережить трагедию насильственной выдачи в Лиенце.

Список литературы

1. **Александров К. М.** Армия генерала А. А. Власова 1944-1945. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 576 с.
2. **Александров К. М.** Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова (1944-1945): биографический справочник. Изд-е 2-е. М.: Посев, 2009. 1120 с.
3. **Белоусов Г.** По памятным местам // Юнкер, слушай! 1967. № 1. С. 6-7.
4. **В. С.** Конец Казачьего военного училища // Науменко В. Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне / сост. П. Н. Стрелянов (Калабухов). СПб. – М.: Олма-Пресс, 2003. С. 109-111.
5. **Гантимуров О.** 1-е Казачье Юнкерское Училище. По записи очевидца // Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Sammlung Vladimir Pozdniakoff. Militärgeschichtliche Sammlungen (MSg) 149/7. Kosaken und Nationalitäten. B. 75-85.
6. **Грибов И. Г.** Попытка описания формы К. Ю. У-ща // Юнкер, слушай! 1967. № 1. С. 7-10.
7. **Данилевич Т. Н.** Поход обреченных. Лондон, дек. 1963 [май 1970 предисл. авт.]: машинопись // Columbia University Libraries. Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive (BAR). Danilevich T. N. General Manuscript's Collection.
8. **Кубанский Ф.** Памятник у реки Драва (исторический очерк): машинопись. Паттерсон (Нью-Джерси), б.г. // Архив Музея русской культуры (АМРК) в Сан-Франциско. Коллекция А. И. Делианич – Н. Н. Петелин. 20 л.
9. **Ленинов А. К.** Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных Атаманов Казачьих Войск С. В. Павлова и Т. И. Доманова в 1943-1945 гг.: материалы и документы. Мюнхен: Изд. автора; КЕМА-Offsetdruck, 1970. 322 с.
10. **Медынский А. И.** Воспоминания // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941-1945 гг. (статьи, документы, воспоминания) / под общ. ред. А. В. Огорокова. М.: Архив РОА, 1999. Вып. 4. С. 438-474.
11. **Строгов В. Г.** Гибель войскового старшины Нефёдова // Науменко В. Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне / сост. П. Н. Стрелянов (Калабухов). СПб. – М.: Олма-Пресс, 2003. С. 397-398.
12. [Buchard]. Die Behandlung des Russischen Problems während der Zeit des n.s. Regimes in Deutschland. Maschinengeschrieben. 375 B. // Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Nikolaevsky B. I. Collection. Box 260. Folder 8. Reel 222.
13. **Lannoy F. de.** Pannwitz Cossacks 1942-1945. Château de Damigny: Heimdal, 2000. 288 p.

COSSACKS-CADETS IN NORTHERN ITALY IN 1944-1945

Aleksandrov Kirill Mikhailovich, Ph. D. in History
St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences
aleksandrov_k@inbox.ru

The article is devoted to the history of the Russian military school in Northern Italy during the final stages of World War II – the 1st Cossack Cadet School in Villa Santina owned by a separate Cossack Corps of battle ataman Major General Timofei Domanov. The author pays particular attention to the uniform and appearance of the personnel, describes the structure of the School and the teaching staff, the organization of educational process, the service and results of training the cadets evacuated at the end of the war in Austria, who shared the fate of the Cossack Camp military men.

Key words and phrases: Northern Italy; Cossacks; Cossack Camp; Villa Santina; Udine; cadets; Cossack School; Domanov; Krasnov; Medynskii; Solamakhin; Lients; Cossack Corps; cadets' epaulettes; the Italian partisans.